

Научная статья

УДК 130.2

DOI: 10.36871/hon.202601172

ОБЪЕКТИВНОСТЬ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В НАУКЕ (К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОМ НАПОЛНЕНИИ ПОНЯТИЯ «ФОЛЬКЛОР»)

Анна Владимировна Костина

Московский гуманитарный университет
111395, Российская Федерация, Москва, улица Юности, 5
akostina@mosgu.ru, ORCID: 0000-0002-7216-4157

Вопрос о социокультурной обусловленности познания является особой предметной областью исследования социологии науки. Этой наукой определено, что процедуры научного осмысления мира выстраиваются в соответствии с иерархиями смыслов, определяемыми каждой эпохой. Примерно та же ситуация складывается при осмыслении какого-либо явления учеными одной эпохи, но принадлежащими к разным научным школам, обладающим собственным, порой весьма отличным от других, методологическим инструментарием и идеологической позицией. В этой ситуации любой феномен может обрести достаточно широкое поле различных коннотаций, что, собственно, и становится основой научной, а зачастую идеологической дискуссии. В большой степени это присуще истории, где сосуществуют, к примеру, такие теории, как норманнская и славянская, отражающие мировоззрение их авторов и их позиции и доминирующие в обществе в тот или иной период представления. Конечно, данный тезис не позволяет сделать вывод о необъективности или ангажированности научного знания, сказанное означает лишь то, что научные воззрения автора во многом определяются социокультурным контекстом эпохи, причем эта зависимость самим автором может не осознаваться. Сказанное касается и позиции автора данного текста, также являющегося продуктом эпохи и разделяющего в значительной степени материалистическое мировоззрение, а также отдельные тезисы марксистской парадигмы, в частности, о взаимосвязи бытия и сознания. В качестве предмета исследования в данном тексте выступает отношение к фольклору и его трактовка в 1920–1930-е годы в Советском Союзе.

Ключевые слова: культура, обусловленность познания, методология, гносеология, фольклор, идеология, наука

Для цитирования: Костина А. В. Объективность научного знания и идеологический дискурс в науке (к вопросу о семантическом наполнении понятия «фольклор») // Художественное образование и наука. 2026. № 1 (46). С. 172–180. <https://doi.org/10.36871/hon.202601172>

Original article

THE OBJECTIVITY OF SCIENTIFIC KNOWLEDGE AND IDEOLOGICAL DISCOURSE IN SCIENCE (ON THE SEMANTIC CONTENT OF THE CONCEPT OF “FOLKLORE”)

Anna V. Kostina

Moscow University for the Humanities
5 ul. Yunosti, Moscow, 111395, Russian Federation
akostina@mosgu.ru, ORCID: 0000-0002-7216-4157

Sociocultural conditioning of cognition is a specific area of sociological research. This field of study has determined that the procedures for scientific understanding of the world are structured according to the hierarchies of meanings defined by each era. A similar situation occurs when scientists from the same era, but belonging to different scientific schools with their own unique methodological tools and ideological positions, attempt to understand a particular phenomenon. In this situation, any phenomenon can acquire a wide range of different connotations, which provide basis for scientific and often ideological discussions. This is particularly evident in history, where theories such as the Norman and Slavic theories coexist, reflecting the authors' worldviews, positions, and the prevailing ideas in society at a given time. However, this does not imply bias on the part of the author.

Keywords: culture, conditioning of cognition, methodology, epistemology, folklore, ideology, science

For citation: Kostina A. V. The Objectivity of Scientific Knowledge and Ideological Discourse in Science (on the semantic content of the concept of “folklore”). *Khudozhestvennoe obrazovanie i nauka [Arts Education and Science]*. 2026, no. 1 (46). P. 172–180. <https://doi.org/10.36871/hon.202601172> (In Russian)

ВВЕДЕНИЕ

Прежде всего, обратимся к самому понятию «фольклор», которое большинством исследователей рассматривается как «устное народное поэтическое творчество» [5], принадлежащее крестьянской традиции. Это определение вбирает в себя два основополагающих признака фольклора — изустность бытования и традиционность, то есть принадлежность крестьянской культуре. Однако в настоящее время эти признаки не позволяют рассматривать в качестве фольклора преобладающее большинство форм и жанров, порожденных современной городской культурой. Именно поэтому многие современные фольклористы, прежде всего С. Ю. Неклюдов и К. В. Чистов, определяют этот тип народного творчества как систему «вербальных или вербально-невербальных структур», имеющих бытовое функционирование [19, 305], не ограничивая при этом современное народное творчество традиционными рамками, которые не позволяют рассматривать в качестве легитимных многие современные тексты.

Именно поэтому уже начиная с 2000-х годов творчество фольклорного типа рассматривается как вбирающее в себя «песни (бытовые, уличные, студенческие, туристские, частично...бардовские песни и пр.), припевки, разного рода устные повествования несказочного характера: предания, современные былички, байки, устные рассказы, анекдоты, слухи, толки и значительную область повседневной речевой стихии. Последняя слагается из достаточно устойчивых речевых оборотов, афоризмов, специфических выражений, словечек, реплик, образующих разнообразные жаргоны или арго. Здесь можно обнаружить и достаточно развитые повествования (предания, фабулаты или сюжетные рассказы), относительно развернутые музыкально-поэтические композиции, например песни-баллады, и достаточно лаконичные тексты: присказки, припевки, поговорки, афоризмы и, конечно, живую разговорную речь» [7, 124]. Сегодня авторы выделяют подобные структуры и в сетевом творчестве, говоря о специфической антропологии сетевого фольклора [5, 144–156] и соотнося стадии развития традиционной

культуры со стадиями развития в контексте «цифровых формаций» [4, 111–130].

Что же касается традиционности, то под ней признается передача текста «фольклорного или литературного, устного или закрепленного на письме, распространенного изустно тиражированием рукописи или типографским способом изготовленной книги». Важным является «содержание того, что передается посредством прямой или опосредованной коммуникации», сами «способы формирования такой трансмиссии, набор стереотипов, темп и способы их обновления» [10, 77–88; 19, 305; 20, 3–17].

Такое понимание фольклора сегодня снижает требования «изустности» и «традиционности», то есть бытования в течение многих поколений. То, что сегодня напоминает фольклор, исследователи называют «постфольклором» (С. Ю. Неклюдов [9, 2–4]), «антифольклором» (Н. И. Толстой [15, 5]) или «фейкlorом» («*Fakelore*») (Р. М. Дорсон [22]) именно вследствие того, что многие его родовые характеристики в современном творчестве отсутствуют.

Данное отступление важно по той причине, что речь идет о способах функционирования фольклора и его восприятия в первые десятилетия советской власти. И если до середины 1930-х годов представителями РАППа и ЛЕФа фольклор рассматривался как искусство патриархального, отсталого, дореволюционного общества, то впоследствии он начал восприниматься как творчество: а) народное, соответственно, отражающее чаяния и стремления крестьянства как угнетенного класса; б) выверенное по идеологии; в) совершенное по формам воплощения. Подобное понимание фольклора впервые обрело отчетливую артикуляцию 29 декабря 1933 года на Первом совещании писателей и фольклористов, где в выступлении известного фольклориста Ю. М. Соколова прозвучали характеристики фольклора как «сигнализатора настроений в массах», «показателя политического и культурного уровня масс», «острого орудия классовой борьбы, агитации и пропаганды» [17, 20]. Однако окончательное конституирование фольклора как «литературы народа» произошло на Первом всесоюзном съезде советских писателей, проходившем в Москве с 17 августа по 1 сентября 1934 года, где в докладе М. Горького этот тип народного творчества был введен в советскую культуру с официальным статусом не просто «духовного наследия», но формы культуры, способной

выполнять те же функции, что и современная ему литература [21, 70]. Эти функции были не столько эстетическими, сколько идеологическими.

Конечно, можно оспаривать подобный прагматический подход к трактовке фольклора, который, будучи одной из форм духовного творчества, воплощает опыт многих поколений и в концентрированной форме передает устремления и чаяния народа. Вместе с тем именно фольклор обладает той способностью к реализму и высокой степени обобщения, той устремленностью в будущее, мудростью и историческим оптимизмом, той «очищенностью» от сиюминутности, тяготением к идеализации реальности и к гармонизации человека в рамках общества, которая была особенно востребована в первые десятилетия советской власти [3]. Более того, фольклор обладает способностью к отражению реальности, и восприятие фольклора как основанного на подлинных событиях породило историческую школу фольклористики, наиболее полно представленную трудами академика Ф. В. Миллера. Изначально такой критически-реалистической направленностью отличались солдатские, ямщицкие, бурлацкие песни, солдатские причитания, где нашли свое отражение события «турецкой войны конца XVIII века, Отечественной войны 1812 года, кавказских войн, обороны Севастополя 1854–1855 годов, японской и первой империалистической войн» [14, 24].

Именно эта способность фольклора отражать реальность в обобщенном и соотнесенном с общим ходом исторического развития виде позволила усмотреть в нем такой инструмент «социальной инженерии», как это было характерно для литературы в целом: «Все идеологические и художественные требования, предъявляемые к литературе, должны быть принесены и к устной поэзии; все теоретические и методологические принципы марксистско-ленинского литературоведения обязательны и для советской фольклористики» [11].

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Фольклор, как было показано М. Горьким и поддержано многими учеными, его современниками, к примеру представителем РАППа Г. Лелевичем [21, 80], а также ведущими фольклористами этой эпохи — Ю. М. Соколовым, М. К. Азадовским, А. М. Астаховой, в своем осовремененном

виде может стать интерпретатором истории, способом формирования классового сознания, проводником пролетарской идеологии. С этого времени начинается интенсивно развиваться проект, направленный на создание советского фольклора, наиболее интенсивной стадией развития которого становятся пять предвоенных лет. Фольклористика интенсивно развивается, во многих университетах открываются фольклорные отделения, сама данная наука институционально уравнивается в правах с литературоведением, а создатели былин и песен — с писателями. К этому же периоду относится и формирование организации, выполняющей координирующие функции в собирании и изучении фольклора (Всесоюзный Дом фольклора в Москве).

Восприятие народного творчества как способного к выстраиванию новой социальной реальности потребовало изменения, во-первых, самого понимания фольклора, который начинает восприниматься не как феномен, получивший свою форму в процессе длительного отбора в изустном бытовании и коллективном авторстве, где каждый образ и его вербализация являются единственно точными, а как результат такого же индивидуального творчества как литературное произведение, которое подлежит критике и коррекции. Такая позиция стала фундаментом методологии, которая была положена в основу и восприятия, и работы с фольклором в полной корреляции с задачей, определенной Первым совещанием писателей и фольклористов: «положить предел стихийности, активно вмешиваться в фольклорный процесс» [18, 205]. Эти задачи были поддержаны фольклористами, прежде всего академиком Ю. М. Соколовым.

Для реализации этих задач были использованы те же методы, что и для любого иного вида деятельности. Первоначально из среды исполнителей-сказителей были отобраны наиболее талантливые. Для этого в 1934 году была организована фольклорная экспедиция в Московскую область, направленная на собирание нового советского фольклора. Затем при фольклорных центрах в разных городах и регионах было организовано обучение этих исполнителей. Фактически в условиях отсутствия массовых коммуникаций данные курсы стали центрами политического просвещения. Для постоянного снабжения исполнителей актуальной информацией (в качестве таковой выступали не только сведения о социально-экономическом развитии страны, но

и биографии видных политических лидеров, материалы постановлений, официальных документов) к певцам прикреплялись «кураторы». Они помогали не только осознать социальные перемены, но и найти формы их вербального воплощения.

Важно, что подобное руководство процессом творчества певцов и сказителей отражало инициативу самого народа, который уже в 1920-е годы начинает отражать социальные изменения в большей степени в частушках, как наиболее «отзывчивой» форме, но также в песнях и стихах: «...светит месяц, светит дальний и мерцает, как свеча. Я в читальне прочитала про родного Ильича. Дорогой товарищ Ленин нам широкий путь открыл: то, о чем отцы мечтали, он на деле претворил. Власть Советскую, родную буду век благодарить: при Советской власти только стала я счастливо жить» [16, 120]. Энтузиазм сказителей вместе с активным руководством со стороны властей — все это привело к формированию целого пласта былинного творчества, где сам жанр получил название «новин», а сам фольклор, созданный таким способом, — «фальшлором», «фейклором», «фольклорными новообразованиями», «околофольклорными явлениями», «псевдофольклором», «фальсифицированным (или искусственным) фольклором», при этом само понятие «фольклор» в сочетании со словом «советский» заключалось в кавычки [1, 125].

Данные обстоятельства не снимают значимости сохранившихся произведений, которые являются фактом истории культуры, даже если не имеют такой художественной ценности, как традиционный крестьянский фольклор. Сама по себе практика активного управления фольклорной традицией также интересна для изучения как трансмиссии опыта профессионального творчества в непрофессиональное.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Фольклор 1920-х годов: связь с традицией и направленность на решение социальных задач

Опыт работы с авторами-сказителями был распространен достаточно широко. С Марфой Семеновной Крюковой сотрудничал В. А. Попов, с Джамбулом Джабаевым — Гали Урманов и Таир Жароков [17, 117]. С грамотными исполнителями эта работа приобретала характер переписки: «Уважаемая т. Губина. Сегодня мы в Фольклорную комиссию получили

твою былину о трех молодцах. Хочу написать свое впечатление от чтения этой вещи. Она мне понравилась меньше “Чапая” и меньше, чем былина о событиях у озера Хасан, и вот почему. Там, в обоих вещах, у тебя был взят единый стиль изложения, здесь у тебя разные стили соединены. Там ты писала былинным языком, здесь у тебя все сочинение выглядит раешником. Ты пишешь о серьезном политическом событии, а в раешнике это получается легковесно. Образы в тех обоих вещах продуманные, серьезные, глубокие, здесь богатство образов невелико, не так продуманно дано. Мысль дать сказ об орлицах-молодницах и о Сталине — большом человеке — прекрасна, но давай договоримся дать это глубже и серьезней. Переделай ты, пожалуйста, свою вещь, продумай еще раз и пришли сюда. Пришлешь, а я здесь подумаю, куда ее дать опубликовать... С приветом, научный сотрудник /П. Ширяева/» [цит. по: 12, 255–256]; «Здравствуйте, дорогая Марфа Семеновна! ... Книгу “Творчество народов СССР” я купила и с удовольствием прочла твои песни: “Плач о Ленине” и былину о Сталине. Они мне очень понравились. Также прочла твоё “Сказание о Ленине”, напечатанное в журнале “Красная новь”. Записанные мною от тебя материалы я все еще привожу в порядок: переписываю и перепечатаваю на машинке. Когда я на обратном пути ехала через Архангельск, в Отделе Народного творчества определенно говорили о том, что лучшие из твоих старин будут печатать. Дорогая Марфа Семеновна, напиши мне скорее ответ о том, как живешь. Обещаю тебе также не задерживать ответного письма. /А. Астахова /» [цит. по: 12, 256].

Работа со сказителями проводилась на плановой основе, научные сотрудники отчитывались о ее результатах, их опыт обсуждался на совещаниях, таких как «Методы массовой работы со сказителями», проходившем во Всесоюзном доме народного творчества 20 марта 1939 года. В докладе «Мой опыт работы со сказительницей Голубковой» писатель Н. П. Леонтьев отмечал, что позволял себе вольности, «которые считаются предосудительными у фольклористов, я не ограничивался функциями стенографа», но критиковал, направлял, после чего «приходилось иногда сидеть до получаса и ждать, когда она скажет нужную строчку» [17, 68–85]. Подобная практика применялась писателем и с другими исполнителями — «со сказочником И. Ф. Ковалевым, карельской сказительницей А. М. Пашковой, архангель-

скими сказительницами А. Е. Суховерховой, А. И. Гладкобородовой» [там же, 117].

Соответственно политическим задачам трансформировался не только сам фольклор, но и фольклористика как наука, изменялись представления о фольклоре, переосмысливались его родовые характеристики. Вплоть до настоящего времени в науке остается дискуссионным вопрос о самом определении фольклора, что отмечают С. Ю. Неклюдов и К. В. Чистов.

И все же несмотря на то, что советский фольклор не соответствует параметрам фольклора как явления, тяготея в большей степени к «народной литературе», эти образцы сегодня, спустя почти столетие, воспринимаются не просто как «агитки», созданные на потребу дня, а как образцы народного творчества, пусть и направляемого извне. Многие формулы, найденные сказителями и приобретенные значение мифологем, перешли в публицистические тексты, где они используются для героизации истории и отдельных личностей. В текстах профессиональных авторов активно употреблялись выражения «рать великая», «богатырские заставь», «богатырская сила», «сталинские соколы», «лютый враг», «орда великая», «богатырская ширь», «народ-богатырь» [1, 128].

Подобный тип творчества сегодня сложно атрибутировать. По ряду своих характеристик, прежде всего по образности и языку, он тяготеет к фольклору, хотя и не соответствует категориям устности бытования, традиционности, коллективности авторства. Вместе с тем этот тип творчества оказывается близким к такому советскому феномену, как «культура масс». Это, конечно, не тот тип массовой культуры, который сложился в западном обществе, неся на себе все характеристики массового индустриального общества, буржуазного по своей социально-экономической природе [2]. Советская массовая культура в качестве культуры масс была принципиально иной по сравнению с западным масс-культом. Они решали различные социальные задачи [2]: первая — идеологическую, вторая — коммерческую; имели разные образные, вербальные и интонационные истоки: первая была тесно связана с фольклором и выступала как «национальная», вторая являлась индивидуальным творчеством и была «космополитична»; различным образом отражали действительность: первая тяготела к реалистичности, вторая создавала собственную реальность, мифологическую по своей

природе; демонстрировали разное отношение к традиции: одна опиралась на нее, другая отвергала. Однако и первая, и вторая создавались в рамках массового индустриального общества — капиталистического или социалистического, что позволяет рассматривать советский фольклор как феномен, занимающий промежуточное положение между традиционной и массовой культурой.

Верность этого теоретического положения подтверждает дальнейший путь развития в Советском Союзе творчества, близкого фольклорному, где наряду с Хором им. М. Е. Пятницкого, Кубанским казачьим хором, Северным русским народным хором, Рязанским народным хором им. Евгения Попова и другими коллективами, стремящимися сохранить и точно передать народную традицию, однако в большей или меньшей степени адаптированную для сцены, появлялись и коллективы, изначально ориентированные не на воссоздание, а на стилизацию народного творчества — такие как ансамбли Дмитрия Покровского, Надежды Бабкиной, Надежды Кадышевой, а также песни Лидии Руслановой, Марии Мордасовой, Людмилы Зыкиной, Ольги Воронец, творчество которых к народной культуре отнести уже невозможно, но которые остаются по своему характеру созвучными народным. Связь с традиционным творчеством сохраняют и многие группы, работающие в жанрах фолк-рок, фолк-метал, эпик-фолк, среди которых в России наиболее популярны «Мельница», «Калинов мост», «Рада и Терновник».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подобное одновременное сосуществование в быту двух традиций — аутентичной народной, с каждым годом сокращающейся в своей жанровой представленности, и стилизованной под народную, с большей или меньшей степенью близости к первоисточнику, сохраняется вплоть до настоящего времени. И опыт работы в фольклорных экспедициях показывает, что часто под народным в поселках и деревнях понимается то, что исполняется со сцены местными народными ансамблями, состоящими из жителей окрестных сел, с репертуаром, составленным из популярных в быту песен. Точно так же, как массовым сознанием соотносятся с традиционной культурой народные гуляния и праздники, воссоздающие национальные традиции, например на Масленицу, Святки, Ивана Купалу. Хотя

по своему существу, содержанию и основополагающим атрибутивным признакам все эти феномены можно с полным основанием отнести к явлениям массовой культуры, ориентированным на традицию. К слову, подобным семантическим мистификациям способствует и определение массовой культуры как «создаваемой массами с начала социального расслоения социума» [6, 6], которое, по существу, снимает принципиальное различие между массовой и народной культурой. А значит, массовая культура и есть культура народа и культура масс.

Таким образом, проблема объективности научного знания может быть решена в контексте двух парадигм: согласно первой, наукой является лишь то, что стремится к объективному отражению действительности; согласно второй, научное знание, особенно гуманитарное, неизбежно испытывает влияние того идеологического, политического, социального, экономического контекста, в рамках которого оно развивается. Конечно, принципиальное различие между естественнонаучным и гуманитарным познанием раскрыли уже столетие назад неокантианцы, показавшие, что «науки о природе» стремятся к генерализации данных и сведению их к единым законам, не зависящим от внешних общественных обстоятельств, в то время, как «науки о культуре» нацелены на выделение особенного из всеобщего, того, что отличает одну общественную систему от другой, называя эту процедуру различения отнесением к ценностям.

Сегодня история науки показывает, что многие изобретения и открытия, связанные с научным поиском, социально детерминированы. Иначе как объяснить то, что, к примеру, изобретение в XI веке печатного станка в Китае со сменными литерами не привело ни к каким существенным трансформациям в культуре, в то время как аналогичное изобретение Гутенберга соответствовало формированию, а затем интенсивному развитию индустриализма и стало началом третьей информационной революции? Иными словами, потребности общества вызывают и развитие научного знания, часто придавая ему ту форму и то содержание, которое востребовано эпохой. Таких примеров достаточно и в XX веке: см. определение и трактовку массовой культуры в 1960-е годы в советской и западной науке — соответственно, предельно критическую, раскрывающую ложность ценностей масскульта, и лояльную, настаива-

вающую на ее близости к популярной, а значит, народной (от «*populus*» — «народ») культуре [23, 4].

Точно так же в фольклористике оказываются семантически подвижными такие понятия, как «фольклор» и «народная культура» (которые фактически отождествлялись в до-революционном обществе с культурой всех слоев, «кроме господствующего» [13, 18–19]), «непосредственно создаваемая трудящимися» [8, 399] как «культура низов в противоположность культуре верхов» [7, 25] «Культура низов» признавалась способной к отражению «трудовой деятельности, быта, духовных запросов и чаяний непривилегированных классов и слоев сельского и городского населения» [там же]. Вместе с тем такие качества фольклора, как устность бытования, коллективность авторства и отбор в поколениях наиболее совершенных форм образности и высказывания, то есть традиционность, оказывались для ученых вторичными, не существенными.

Именно такое восприятие в полной мере соотносилось с задачами, которые ставила

перед собой культура первых десятилетий советской власти, нацеленная на формирование народного единства и сплочение вокруг главных ориентиров социалистического общества. Подобное восприятие фольклора позволило установить социальный контроль над народным творчеством точно так же, как была установлена цензура в области искусства и литературы. Однако этот контроль самими народными исполнителями воспринимался как помощь, а их произведения, относимые сегодня к советскому фольклору, — как отражающие правду жизни: «... народ и правда — те родники, которые пили и питают поэзию сказителя», который в своем творчестве черпает «слово из своего сердца, как воду из колодца» [21, 83]. И сегодня можно видеть, что подобное «управление» сферой искусства, принципиально не конституируемой, дало свои позитивные плоды — советский фольклор, вместе с советской литературой и искусством способствовал построению нового общества, будучи нацеленным на консолидацию всех трудящихся вокруг общих целей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Илюха О. П.* «Руна о задержании шпиона»: государственная граница в советском фольклоре и пропагандистском дискурсе 1930-х годов // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2018. С. 123–142. Вып. 3.
2. *Костина А. В.* Массовая культура как феномен постиндустриального общества. М. : КомКнига, 2006. 352 с.
3. *Костина А. В.* Традиционная культура в условиях цифровых общественно-экономических отношений. Ч. I. Антропология сетевого творчества как антропология Сети // Знание. Понимание. Умение. 2025. № 2. С. 144–156.
4. *Костина А. В.* Традиционная культура в условиях цифровых общественно-экономических отношений. Ч. I. Стадии развития в контексте «цифровых формаций» // Знание. Понимание. Умение. 2025. № 1. С. 111–130.
5. *Матлин М. Г., Чередникова М. П.* Фольклор // Большая Российская энциклопедия / научно-редакционный совет: председатель Ю. С. Осипов и др. М. : Большая Российская энциклопедия, 2004. Т. 33. 2017. С. 699–703.
6. Массовая культура : учебное пособие. М. : Альфа-М; Инфа-М, 2004. 304 с.
7. Народная культура в современных условиях : учебное пособие / отв. ред. Н. Г. Михайлова. М. : Российский институт культурологии, 2000. 219 с.
8. *Недошивин Г. А.* Народность искусства // Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 76.
9. *Неклюдов С. Ю.* После фольклора // Живая старина. 1995. № 1. С. 2–4.
10. *Неклюдов С. Ю.* Устные традиции современного города: смена фольклорной парадигмы // Исследования по славянскому фольклору и народной культуре. 1997. С. 77–88. Вып. 2.
11. Первое совещание писателей и фольклористов // Фольклор : бюллетень Фольклорной секции института антропологии и этнографии АН СССР. 1934. № 1– № 2. С. 46–47.
12. *Петрова Л. И.* Из истории собирательской и издательской работы ленинградских фольклористов (по материалам протоколов, отчетов, писем 30-х годов XX в.) // Из истории русской фольклористики. 2006. № 6. С. 248–262.
13. *Пропл В. Я.* Фольклор и действительность. Избранные статьи. М. : Наука, 1976. 330 с.

14. Русские народные песни. М. : Государственное изд-во художественной литературы, 1957. 415 с.
15. Толстой Н. И. От А. Н. Веселовского до наших дней // Живая старина. 1996. № 2. С. 5.
16. Фольклор Дона и Кубани / под ред. А. И. Бусыгина. Ростов н/Д : Ростовское областное книгоиздательство, 1938. 295 с.
17. Фольклор России в документах советского периода, 1933–1941 гг. : сборник документов / сост. Е. Д. Гринько и др.; предисл. В. Г. Смолицкого. М. : ГРЦРФ, 1994. 253 с.
18. Фольклор в СССР. Первое совещание писателей и фольклористов // Советская этнография. 1934. № 1–2. С. 204–206.
19. Чистов К. В. Фольклор // Культурология. XX век. Энциклопедия: в 2 т. Т. 2. СПб., 1998. 447 с.
20. Чистов К. В. Фольклористика и современность // Советская этнография. 1962. № 3. С. 3–17.
21. Юстус У. Возвращение в рай: соцреализм и фольклор // Соцреалистический канон / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. М. : Академический проект, 2000. 1036 с.
22. Dorson R. M. Folklore and Fakelore: Essays toward a Discipline of Folk Studies. Cambridge, London : Harvard University Press, 1976. X. 391 p.
23. Gans H. J. American Popular Culture and High Culture in a Changing Class Structure // Prospects: An Annual of American Cultural Studies. Cambridge, 1985. Vol. 10. P. 4.

REFERENCES

1. Plyukha O. P. “The Rune about the Detention of a Spy”: the State Border in Soviet Folklore and Propaganda Discourse of the 1930s. *Al'manakh severoevropetskikh i baltiiskikh issledovaniy [Almanac of Northern European and Baltic Studies]*. 2018, issue 3. P. 123–142. (In Russian)
2. Kostina A. V. Massovaya kul'tura kak fenomen postindustrial'nogo obshchestva [Mass Culture as a Phenomenon of Post-Industrial Society]. Moscow, 2006. 352 p. (In Russian)
3. Kostina A. V. Traditional Culture in the Conditions of Digital Socio-Economic Relations. Part I. Anthropology of Network Creativity as Anthropology of the Network. *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]*. 2025, no. 2. P. 144–156. (In Russian)
4. Kostina A. V. Traditional Culture in the Conditions of Digital Socio-Economic Relations. Part I. Stages of Development in the Context of “Digital Formations”. *Znanie. Ponimanie. Umenie [Knowledge. Understanding. Skill]*. 2025, no. 1. P. 111–130. (In Russian)
5. Matlin M. G., Cherednikova M. P. Folklore. *Osipov Yu. S. et al. (ed.) Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya [Great Russian Encyclopedia]*. Moscow, 2004, vol. 33 2017. P. 699–703. (In Russian)
6. Akopyan K. Z., Zakharov A. V., Kagarlitskaya S. Ya. Et al. (ed.) Massovaya kul'tura [Mass Culture : textbook]. Moscow, 2004. 304 p. (In Russian)
7. Mikhailov N. G. (ed.) Narodnaya kul'tura v sovremennykh usloviyakh [Folk Culture in Modern Conditions : textbook]. Moscow, 2000. 219 p. (In Russian)
8. Nedoshivin G. A. The Nationality of Art. *Filosofskii entsiklopedicheski slovar' [Philosophical Encyclopedic Dictionary]*. Moscow, 1983. P. 76. (In Russian)
9. Neklyudov S. Yu. After Folklore. *Zhivaya Starina [Living Antiquity]*. 1995, no. 1. P. 2–4. (In Russian)
10. Neklyudov S. Yu. Oral Traditions of the Modern City: a Change in the Folklore Paradigm. *Issledovaniya po slavyanskomu fol'kloru i narodnoi kul'ture [Research on Slavic Folklore and Folk Culture]*. 1997, vol. 2. P. 77–88. (In Russian)
11. The First Meeting of Writers and Folklore Researchers. *Folklore: Bulletin of the Folklore Section of the Institute of Anthropology and Ethnography of the USSR Academy of Sciences*. 1934, no. 1, no. 2. Separate issue. P. 46–47. (In Russian)
12. Petrova L. I. From the History of Collecting and Publishing Work of Leningrad Folklorists (based on the materials of protocols, reports, and letters from the 1930s). *Iz istorii russkoi fol'kloristiki [From the History of Russian Folkloristics]*. 2006, no. 6. P. 248–262. (In Russian)
13. Propp V. Ya. Fol'klor i deistvitel'nost'. *Izbrannye stat'i [Folklore and Reality. Selected Articles]*. Moscow, 1976. 330 p. (In Russian)
14. Russkie narodnye pesni [Russian Folk Songs]. Moscow, 1957. 415 p. (In Russian)
15. Tolstoy N. I. From A. N. Veselovsky to the Present Day. *Zhivaya Starina [Living Antiquity]*. 1996, no. 2. P. 5. (In Russian)

16. Busygin A. I. (ed.) Fol'klor Dona i Kubani [Folklore of the Don and Kuban]. Rostov-on-Don, 1938. 295 p. (In Russian)
17. Grinko E. D. et al. (ed.) Fol'klor Rossii v dokumentakh sovetskogo perioda, 1933–1941 gg. [Russian Folklore in Documents of the Soviet Period, 1933–1941. Collection of documents]. Moscow, 1994. 253 p. (In Russian)
18. Folklore in the USSR. The First Meeting of Writers and Folklorists. *Sovetskaya etnografiya* [*Soviet Ethnography*]. 1934, no. 1–2. P. 204–206. (In Russian)
19. Chistov K. V. Folklore. *Kul'turologiya. XX vek* [*Cultural Studies. XXth century : encyclopedia : in 2 vol.*]. Saint Petersburg, 1998, vol. 2. 447 p. (In Russian)
20. Chistov K. V. Folklore Studies and Modern Times. *Sovetskaya etnografiya* [*Soviet Ethnography*]. 1962, no. 3. P. 3–17. (In Russian)
21. Justus W. Return to Paradise: Socialist Realism and Folklore. *Gunther H., Dobrenko E. (ed.) Sotsrealisticheskii kanon* [*Socialist Realism Canon*]. Moscow, 2000. 1036 p. (In Russian)
22. Dorson R. M. Folklore and Fakelore: Essays toward a Discipline of Folk Studies. Cambridge, London : Harvard University Press, 1976. X. 391 p. (In English)
23. Gans H. J. American Popular Culture and High Culture in a Changing Class Structure. *Prospects: An Annual of American Cultural Studies*. Cambridge, 1985, vol. 10. P. 4. (In English)

Информация об авторе:

Костина А. В. — доктор философских наук, доктор культурологии, профессор, проректор по научной и издательской деятельности.

Information about the author:

Kostina A. V. — Doctor of Philosophy, Doctor of Cultural Studies, Professor, Vice-Rector for Research and Publishing Activities.

Статья поступила в редакцию 22 августа 2025 года; одобрена после рецензирования 25 сентября 2025 года; принята к публикации 29 сентября 2025 года.

The article was submitted August 22, 2025; approved after reviewing September 25, 2025; accepted for publication September 29, 2025.